

ДРЕМЛЮЩИЕ

ВУЛКАНЫ АЙНОВ

АЛЕКСАНДР НАДЫСЕВ

Александр Валентинович Надысев

Дремлющие вулканы айнов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68370427

SelfPub; 2022

Аннотация

Александр Надысев в книге «Дремлющие вулканы айнов» сумел создать гармонию между документальными фактами и художественной реконструкций исторических событий XVII-XXI веков с конкретными героями по освоению новых земель и приведению в российское подданство айнов – коренных жителей Камчатки, Курильских островов, Хоккайдо и Сахалина – в непримиримом противостоянии с Японией. Автор книги осветил необычную полную трагизма судьбу айнов, и стремление их потомков к развитию и объединению древнейшего народа

Содержание

Камчатка	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	32
Курилы	37
Глава 1	38
Глава 2	43
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Надысев

Дремлющие вулканы айнов

Расселение айнов

Камчатка

AB

Глава 1

С давних времён на Камчатском полуострове, враждуя меж собой, жили эвены, коряки, чукчи, ительмены и другие народности. А на южном побережье Камчатки проживали удивительные племена айнов-курильцев, выбиравших места своего пребывания вблизи вулканов. Но пришло время и русские первопроходцы в погоне за пушниной начали освоение Камчатки и приведение её жителей в российское подданство.

А начиналось это так. Анадырский приказчик Владимир Васильевич Атласов, пятидесятник, глава необъятной Чукотки, узнав о неведомой и очень богатой Камчатке, предложил якутскому воеводе поход за ясаком¹, ценными шкурками соболей и лисиц, в эти неизведанные земли. Воевода, не раздумывая, приказал:

– Велю покорить Камчатку, и добыть ясак с новых верно-подданных государя!

И добавил, лукаво улыбаясь:

– Но на поход сей денег не дам.

Так по велению якутского воеводы Владимир Атласов стал за свой счёт готовиться к походу за «рухлядью»² в да-

¹ Ясак – вид дани, подати.

² Рухлядь – название пушнины, выделанных шкурок пушных зверей для производства меховых изделий.

лёкую и загадочную Камчатку. Казаки его уважали и тянулись к нему. Атласова знали, как человека волевого, целеустремлённого, воспитанного в походных условиях, привыкшего с детства к умеренности и лишениям. В постоянных скитаниях по сибирским тундрам окончательно сформировался его характер, очень жёсткий, предприимчивый, часто беспринципный, и вместе с тем Атласов обладал железной волей и редкой физической выносливостью. На столь масштабное мероприятие ему пришлось одолжить у подьячего Ивана Харитонову 160 рублей, а у торгового человека Михаила Остафьева взять в долг деньги, с отдачей красными лисицами, и не только у них. На эти деньги Атласов стал нанимать казаков и, конечно же, ясачных юкагиров³, обещая им богатую камчатскую добычу, и они записывались в поход. Без юкагиров, жителей Чукотки и умелых оленеводов, невозможно быстро пройти по заснеженным горам на оленьих упряжках, да ещё в такую даль. Так что без камчатской добычи задолжавшему Атласову лучше не возвращаться в Анадырский острог, и он готовился. С буйными казаками он ночами засиживался, то в приказной избе острога, то в кабаке, обсуждая предстоящий поход на Камчатку. Больше всех высказывали свои соображения казаки Иван Голыгин и Лука Морозко, уже побывавшие на Камчатке. Они за застольем весело переглядывались и балагурили.

– Да, что там, перемахнём через горы и Камчатка наша, –

³ Юкагиры – восточносибирский народ.

говорил, улыбаясь, Голыгин. – и возьмём, как в прошлый раз, множество соболей и чернобурых лисиц.

– Ага, – смеясь, отвечал Морозко, – забыл, как тебя там дикари подстрелили?

– Да ладно, что нам бояться дикарей с луками, – ответил Голыгин, – вот нам бы в поход поболее оленей с юкагирами, тогда быстрее покорим Камчатку.

– Будут вам юкагиры, – сразу заверил Атласов, – и много оленей.

– Тогда и «рухлядь» тебе добудем! – ответил Морозко, подмигнув Голыгину, – да ещё какую, пушистую!

– Надеюсь на вас, други, – поднял кубок медовухи Атласов. – Так выпьем за казацкую удачу! А тебя Лука я оставляю вместо себя править на Анадыре.

Декабрьским утром 1696 года отряд Атласова численностью в 124 человека вышел из Анадырского острога на оленьих упряжках и двинулся в поход. Отряд состоял из 64-х служилых, промышленных людей и 60-и ясачных юкагиров, которым предстояло покорить таинственную Камчатскую землю и собрать достойный ясак.

Тремя днями позже в Анадырский острог прибыл новый приказной Постников. Узнав о походе, он велел Луке Морозко догнать и вернуть Атласова, чтобы тот отчитался перед ним. И Морозко помчался вслед за отрядом, даже не думая передавать приказ Постникова. Он догнал Атласова уже в горах и был счастлив, что стал участником этого грандиоз-

ного похода.

В январскую стужу 1697 года, перевалив через Корякский хребет, отряд казаков спустился с гор и остановился передохнуть. Перед ними раскинулась неведомая земля с заснеженными горами, сопками и высокими вулканами.

– Камчатка! – радостно закричал Атласов, оглянувшись на казаков. – Здесь обитают коряки, с них и начнём приводить дикарей под царскую руку.

– Откудава таково прозвание Камчатка? – спрашивали казаки друг друга, соскочив с нарт.

– Известно откуда, – ответил седобородый казак и рукой махнул на юг. – Тама течёт большая река Камчатка, названная именем якутского казака Ивана Камчатого, сыскавшего в её устье лежбища моржей, а позже и сия земля стала называться Камчаткой.

– А ну, все по местам! – заорал десятник Морозко. – Ишь, разгалделись.

Казаки нехотя стали садиться на нарты, ворча на десятника, а тот, взглянув на небо, покачал головой:

– Кажись запуржит.

Сплошная хмурая облачность клоками тяжело нависала над суровыми кряжами гор, покрытых снегами, и только в её просветах сверкало своими косыми лучами низкое солнце. Красота!

– Вот она какая, земля камчатов! – озирались молодые казаки, удивляясь необычным искрящимся горам, поросшим

лесами.

– Им всё в диковину – ворчали бывалые казаки, как вдруг заметили местных дикарей с луками наготове.

– Ба, да нас уже встречают, – загоготали казаки. – Смотри-ка, луки свои наладили.

Промысловики схватились за ружья и все приготовились к бою.

– Как бы не стрельнули? – вскрикнул кто-то из молодых, и вскинул пищаль⁴.

– Не трожь их, – строго велел Атласов, – это ж горные коряки, мирный народец, да и ясак с них никакой. А нам в путь к Пенжинской губе, вот там возьмём что-нибудь пожирнее и постреляем. Трогай!

Казаки, несмотря на поднявшуюся метель, двинулись в путь, а коряки как появились неожиданно, так и исчезли в лесу. Ветер стих, но снег валил, не переставая, а отряд упрямо продвигался на юг, несмотря на крики недовольных юкагиров, хлеставших оленей. Вдруг небо прояснилось, снег закончился, и выглянуло низкое солнце. Отряд Атласова неожиданно выбрался на высокое скалистое плато. Олени встали. Казаки повыскакивали с нарт, поразмяться...и увидели в дымке синие горы и огромную искрящуюся реку, покрытую льдом.

– Какая ширь! – дивились молодые казаки. – Какая загадочная река!

⁴ Пищаль – длинноствольное огнестрельное ружьё.

– Это Пенжинка, – пояснил Атласов. – Здесь будем ставить острог.

Так, прибыв на берега каменистой реки Пенжины, Атласов основал острожек Акланский, а затем – Каменский. Передохнув, он отправил десятника Морозко с казаками дальше по заснеженному льду к устью реки Пенжине, где тот поставил зимовье, назвав его Усть-Пенжинское. За несколько дней Лука Морозко призвал присмиривших коряков под государеву руку, без боя собрав с них ясак лисицами, и вернулся в Каменский острожек.

В приказной избе острожка тепло и уютно, горела лучина, и пахло свежим срубом. За грубо сколоченным столом сидели приказчик Атласов с десятником Олешко Пещерой и пили крепкий мёд, закусывая сушёной рыбой. Неожиданно в избу вошёл Лука Морозко, перекрестился на икону в красном углу и широко улыбнулся:

– Будь здоров батька.

Атласов, развалившись на лавке, посмотрел на вошедшего Луку и спросил:

– Всё ли сладилось с ясаком?

– Всё, батька, – быстро ответил Морозко.

– Что за народец? – спросил Атласов. – Доложь.

– Коряки пустобородые, – докладывал Морозко, распахнув свой тулуп, – лицом русоковаты, роста среднего, в бога не верят. Живут в ярангах, похожих на островерхие юрты, покрытых шкурами, в очаге – огонь на тюленьем жире, а спят

в гамаках. Есть у них шаманы – они бьют в бубны и кричат. Ясак взял лисицами.

– Что же они хотят? – ухмыльнулся Атласов.

– Оружие у них – луки, да копья, а потому товары им надобны – железо, ножи, топоры. Менять товары им не на что – в устье Пенжины нет соболей, а питаются они только рыбой, – закончил Морозко и посмотрел на приказного.

– Житьё у них скудное, – заметил Атласов, нахмурившись.

Он поднялся с лавки и велел:

– Передохни Лука, и собирай людей в поход за жирной добычей.

Атласов, проводив Морозко, выразительно посмотрел на Олешко Пещеру.

– Более добычи нам не видать, – тихо сказал он и, приложив палец к губам, прошептал. – А потому, Олешко, возьми служилых людей, и иди с ясачным обозом в Якутский город. Отчитаешься тама, но никому ни слова, понял?

Перед рассветом ясачный обоз остановился у ворот острога, и десятник Пещера с передних нарт крикнул:

– Семейка, открывай врата.

– Куды ты, Олешко, в такую рань? – спросил воротник. – А то вчера, видал я в лесу коряков с луками. Слышь, куды тебя несёт?

– Не твою ума дело! – прокричал десятник на ходу, и обоз скрылся в туманной дымке леса.

«Кабы чего не вышло, – подумал воротник, – а то коряки меткие охотники, подстерегут, не дай Бог».

Уже совсем рассвело, и Семён, увидев казаков, которые готовились к походу, подумал: «Эти робяты, понятно, хотят заясачить коряков, – и стал открывать ворота, как вдруг стрела пронзила его грудь.

«Эх, это не к добру» – мелькнуло в голове Семёна, и он упал на снег. Казаки, увидев в лесу стрелявших дикарей, стали палить по ним из пищалей. Коряки, бросив раненых, в страхе разбежались. Казаки, выдернув стрелу, внесли раненого Семёна в избу, а тот, переживая, шептал чуть слышно: «Как бы не подстрелили мово племяшку, Олешко».

Атласов, увидев стонущего воротника, вздрогнул и участливо утешил:

– Задело тебя чуть, Семейка, терпи – пройдёт, – а сам подумал: «Хорошо, что ночью отправил ясачный обоз в Якутский, а то было б худо».

Вскоре отряд казаков на оленях резво помчался по заснеженному льду реки, и вышел на побережье огромной Пенжинской губы. Не найдя на пустынном побережье никаких корякских селений, отряд остановился и Атласов решил разделиться.

– Ты, Лука, – велел он, – бери людей и иди на восточное побережье Олюторского⁵ моря, ведь ты сюды хаживал с Голыгиным. Смотри, не озоруй, и ясак бери по лисице с души.

⁵ Олюторское море – Боброво море, Берингово море.

А я пойду по берегу Пенжинской губы на юг. Если что случится, присылай гонца. Всё, трогаемся!

Десятник Лука Семёнов Морозко Старицын был дерзок, храбр в бою и удачлив в нескончаемых походах, и потому пользовался у казаков заслуженным уважением. И казаки говорили о нём:

– Мы с ним, как у Христа за пазухой.

Перевалив через высокие горы, десятник Морозко с товарищами захватывали поселения олюторских коряков, которых призывая «лаской и приветом», приводили в подданство царю и собирали с них ясак лисицами. Дальше казаки, продвигаясь по побережью, встречали лишь редкие селения коряков и как-то приуныли. И вдруг они увидели чумы любопытных чукчей. Те разбегались, прятались, ещё и отстреливались. Их отлавливали и приводили в российское подданство, а ясак приходилось брать силой. После перестрелки с чукчами, Морозко как-то забеспокоился.

«Что с основным отрядом? – думал он. – Всё ли благополучно у Володимира? А мои-то казачки, как блаженные, идут из леса и даже не оглядываются».

– С дикарями надо держать ухо востро. Ишь, расхрабрились! – закричал на казаков Морозко и велел им садиться на нарты.

Так с мелкими боями казаки Луки Морозко шли на оленях по побережью полуострова, теряя по пути своих товарищей.

Глава 2

Казачий отряд Владимира Атласова продвигался по западному побережью Камчатки. Над морем нависли тяжёлые тучи, неожиданно поднялся ветер, пошёл крупный снег, и на отряд казаков навалилась колючая пурга. И приключения казаков начались. Боязливые коряки, следившие за пришельцами, неожиданно показались из-за камней, но чего-то испугавшись, сразу исчезли.

– Испужались метели, – веселились казаки, прячась в вороты тулупов.

На коротких стоянках возле своих яранг⁶ угрюмые юкагиры, вечно голодные, зло переговаривались меж собой, и казаки предчувствуют беду, забеспокоились:

– Как бы, не взбунтовались юкагиры. Сбегут ведь, кто будет править оленями?

На побережье обширной Пенжинской губы казаки, наконец, увидели яранги коряков. Призывы и угрозы на них не подействовали, и ясак пришлось брать силой. Полетели стрелы, в ответ загремели пищали, ружья казаков и вскоре, всё стихло.

– Вот и постреляли, – усмехнулся Атласов и, схватившись за свою раненную руку, распорядился. – Ставьте братья зимовье, да покрепче.

⁶ Яранги – островерхие, каркасные сооружения, покрытые оленьими шкурами.

А между тем местные ясачные юкагиры заступились за коряков, и во главе с Ома и Тыкно взбунтовались. Они ночью в районе реки Паланы вероломно убили трёх казаков, и напали на острожек Атласова, но казаки основного отряда отбили, убив полтора десятка юкагиров. В бою погибли пять казаков и более 30 служилых и промысловых людей были ранены. Да и сам Атласов, раненый «во шти местах», встревожился не на шутку и послал верного юкагира к Луке Морозко с приказом идти к нему на помощь. Казаки облегчённо вздохнули, увидев подкрепление, а юкагиры, сняв осаду, исчезли в лесу. На следующий день потрепанный отряд казаков тронулся в путь.

Вскоре отряды Атласова опять разделились. Морозко пошёл к Боброву морю, по пути покоряя коряков, а Атласов направился вдоль побережья Пенжинской губы, собирая дань и, приводя силой упрямых коряков в подданство российской державе.

Десятник Морозко на побережье Боброва моря срубил временное зимовье и из него пошёл в крупное поселение дикарей собирать ясак. Ему доложили, что коряки задумали что-то нехорошее. Он не придавал значения необычному скоплению коряков у своих яранг, и с ясаком стал возвращаться в зимовье. Обиженные коряки, видя горстку казаков, решили отбить свой ясак, и устроили засаду в урочище реки Кохна. Неожиданно напав на казаков, они убили двух промысловиков и десятника Морозко, и с пушниной скрылись. Так

погиб ещё один лихой казак – десятник Лука Морозко. Коряки осмелели и продолжали нападать на казаков, стараясь вернуть своих соболей, но вскоре смирились, потеряв самых смелых воинов.

А казаки Атласова продолжали упорно продвигаться на юг по побережью Пенжинской губы, переходящей теперь уже в море, и грабили южные племена ительменов-камчадалов, продолжая приводить их в подданство русскому царю. На побережье Пенжинского моря казаки срубили зимовье на реке Ичи и устроили под горой загон оленей. Атласов, обойдя свой лагерь, заглянул в чумы юкагиров и осмотрел загон оленей.

«Не нравится мне, что оленей оставили под горой, от зимовья их не видать. Хотя другого места вроде бы не найти», – подумал Атласов и направился спать в приказную избу.

Лишь только рассвело, как к зимовью на трёх нартах прибыли измученные люди десятника Морозко и сразу ввалились в приказную избу.

– Что случилось? – вскочил полусонный Атласов, схватившись за саблю.

– Мы попали в засаду и Лука Морозко убит, – горестно поведали казаки, – а мы с трудом ушли от погони.

– Как же так? – вскричал Атласов.

– Мы предупреждали его о возможном бунте коряков, но он только смеялся, – оправдывались, было, казаки...

Как, вдруг, в зимовье ввалились люди Атласова, и загаль-

дели:

– Коряки ночью угнали всех наших оленей, ведь загон-то был под горой.

– Что? – взревел от ярости Атласов. – Догнать!

– Так не на чем, – развели руками казаки.

– Как, а наши три упряжки оленей? – сразу предложили люди Морозко. – Ну, на коих мы прибыли.

Атласов сразу пришёл в себя и заорал:

– Чо стоите, в погоню! И никого не щадить.

Был бой, оленей отбили, убив при этом с десяток коряков, а остальные разбежались по лесам. Атласов, боясь нового нападения, велел готовиться к походу. Пригнанных оленей юкагиры уже запрягли, а разгорячённые казаки, утирая пот, дружно садились на нарты.

– Поход продолжается, и нас ждут приключения! – наконец улыбнулся Атласов и, садясь на нарты, велел. – Трогай, ребята!

И казачий отряд отправился в путь. Атласов, не видя добычи в редких селениях коряков, решил повернуть на восток. Казаки, перебравшись через горный хребет, встали лагерем у реки Тигиль. Весна была в полном разгаре. В апреле реки вскрылись ото льдов, и Атласов велел изготовить байдары. Казаки благополучно спустились к легендарной реке Камчатке, и на её берегах обнаружили множество селений-острогов коряков. Четыре острога с посадками казакам сотника Серюкова покорились без боя. И тем не менее Ат-

ласов велел на берегу реки Камчатки поставить острожек, назвав его Верхне-Камчатский. Постоянно боясь измены новых подданных царя, он оставил в острожке десятника Потапа Серюкова с 12 казаками и 30 юкагирами и решил вернуться на побережье Пенжинского моря (Охота-моря) к своему зимовью на реке Ичи, где и расположился передохнуть. Отсюда он посылал казаков отыскивать новые поселения камчадалов и собирать с них ясак.

В верховьях реки Ичи казаки неожиданно обнаружили «полоняника», которого камчадалы называли «русаком». Камчадалы, боясь русского царя, сами привезли пленника к Атласову. Он оказался выходцем с далёкого юга – из Узакинского государства и звали его Денбей. От него Атласов с удивлением узнал, что за Охота-морем есть далёкие страны и понял, что этого Денбея надо доставить к воеводе в Якутск.

Осенью в 1697 году Атласов вышел из зимовья Ича и по побережью пошёл на юг, посылая вперёд казаков выискивать зимовья камчадалов. Наконец, казаки Атласова встретились с камчатскими айнами, которые называли себя «курилами», от айнского слова «кур» – «человек, народ». Они охотились на бобров⁷ и молились на сопки и вулканы, взывая о помощи. Айны-курильцы свободный народ и ясак добровольно не давали, тогда казаки одновременно напали сразу на шесть острожков курильцев. Был бой, в котором более смелые айны противились и погибли, а остальные разбежались.

⁷ Бобры – камчатский морской бобёр, калан, морская выдра.

Десятник Голыгин докладывал:

– Брать в ясак, кроме бобров, было нечего, хотя соборей и лисиц в лесах полно, но айны их не промышляют.

– Зато казаки вдоволь постреляли и помахали саблями, – заулыбался Атласов.

Глядя на толпу унылых айнов-курильцев, он размышлял: «Они видом волосаты, против камчадалов чернее и бороды меньше. Одежду носят такую же, что и камчадалы, но скуднее. Поклоняются «горным духам» вулкана, и приносят им в жертву медведя. Соборей у них есть, но плохие, а бобров и лисиц красных много. Что есть у айнов, то и возьмём».

Атласов с отрядами казаков пошёл дальше по западному побережью Камчатки на юг. Уже ярко светило весеннее солнце, снег местами растаял, и казакам пришлось идти пешком за нартами⁸. Впереди отряда шёл десятник Голыгин со своими казаками и он первым увидел в ущелье большую реку.

– Что за река? – спросил Голыгин у сопровождающих его камчадалов.

– Кажись, Нынгичу⁹, – ответил ему косматый старик.

– А куды же течёт река? – спросил его Голыгин.

– Незнамо куды, – ответил старик и махнул рукой. – Туды.

Когда Атласов с основным отрядом вышел на берег ре-

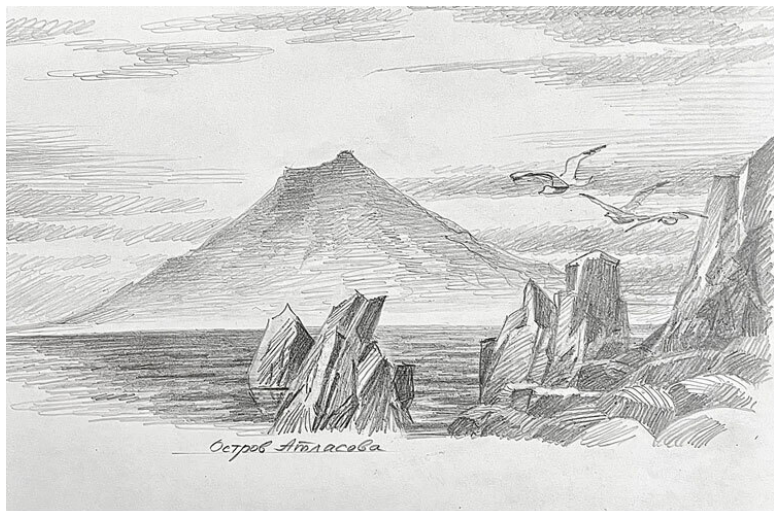
⁸ Нарты – оленьи сани.

⁹ Нынгучу – река Голыгина протекает по территории Усть-Большерецкого района Камчатки.

ки Нынгичу, то приказал ставить острожек и спешно изготовить байдаки¹⁰ для сплава вниз по реке. Он решил правильно: «Сия река течёт в большую реку, а та в море, и это конец Камчатки». Так Атласов, подгоняя своих людей, упрямо шёл навстречу своей судьбе. Он не знал, что его ждёт впереди, но был уверен в казаках и в свою удачу.

¹⁰ Байдаки – речная лодка якутских казаков.

Глава 3

AB

Весна 1698 года была в самом разгаре, реки вскрылись и сопки зазеленели. Казаки Атласова, перекрестившись, сели с камчадалами на байдаки и устремились вниз по течению реки Нынгичу в полную неизвестность. Вскоре, петляя, стремительная река стала расширяться, и казаки вошли в её скалистое устье. И... они увидели бушующее море!

– Море, – первыми закричали казаки десятника Ивана Го-

лыгина, — но уж больно беспокойное.

— Вот оно, Охота-море, — проговорил Атласов, поглядев на камчадалов, новых царских подданных, — так кажись, называют сие море?

— Да, да, — загалдели камчадалы, — оно кормит нас бобрами.

— Дошли! — радовались казаки, утирая лица своими шапками. — Куды таперя?

— Здесь будем ставить острог, — распорядился Атласов, — поспешайте казаки.

И сразу в лесу застучали топоры, казаки валили деревья и готовили брёвна для срубов изб. Вскоре юкагиры пригнали в лагерь оленей и стали ставить крепкий загон из слег, а потом поставили чумы и кучей сложили нарты до следующей зимы.

— Работа пошла, к вечеру будет крыша над головой, — усмехнулся Атласов.

Посмотрев на скалы, нависавшие над рекой, он весело сказал казакам:

— Надо б осмотреться, други. Айда на гору.

Атласов с Иваном Голыгиным полезли на скалы, а казаки поспешили за ними. Пробираясь вверх между огромными камнями, Атласов подумал: «Неча время терять», и обернувшись, велел Голыгину:

— Ты Иван, вот что, возьми с десятков казаков, пару камчадалов и иди в верховья Нынгучу... и без достойного ясака не возвращайся.

Наконец, казаки поднялись за Атласовым на высокий утёс, далеко упирающийся в море, и обомлели... какая ширь морская! А Атласов уверенно прошёл на самый край утёса и, сложив руки на груди, стал с любопытством вглядываться в морские дали. Ветер трепал его волосы, а он, широко раскрыв рот, вдыхал морской солёный воздух. Вдруг, он зычно закричал:

– Вижу, братья, вижу!

– Что, где? – в недоумении заговорили казаки, стоящие сзади него.

– Да, вона, какая дивная гора, да ещё курится, – воскликнул Атласов, увидев очертание огромного вулкана.

Камчадалы, сопровождавшие Атласова, пояснили:

– Это вулкан Аланд, извергающий огонь! А далее далёкие острова айнов!

Атласов ухмыльнулся в бороду и произнёс:

– Вот пойдём, казачки, на эти острова и заясачим айнов-курильцев. Только на чём идти?

Атласов стоял на утёсе, широко расставив ноги, суровый, неприступный и мучительно думал: «Как же добраться до Аланда»?

Морской ветер дико свистел в ушах, трепал полы его потёртого кафтана, и как бы говорил ему: «Думай, Атласов, думай».

Казаки, стоящие с ним, притихли и боялись слово вымолвить.

«Надобны кочи¹¹!» – наконец, решил Атласов и, повернувшись к казакам, заорал:

– А вы чо рты раззявили? Тикайте вниз и ставьте избы, не то ночевать будет негде! Вона на одной уже крыша ставлена.

Казаки с гиканьем спустились со скал вниз. Вскоре крыши покрыли тёсом, навесили двери, и каждая изба стала крепостью. Потянуло дымком костров и вкусно запахло, это в котлах варили уху. Заночевали казаки уже под крышами свежесрубленных изб, и в устье реки Нынгучу появился ещё недостроенный, но уже грозный острог Большерецкий – будущая русская твердыня на Камчатке.

В приказной избе острога было тихо, и только где-то жужжал шмель. Приказной Атласов удобно расположился на медвежьей шкуре и, вспоминая, писал на клочке бумаге: «... а против первой Курильской реки на море видел, как бы острова есть...» Как, вдруг, в дверь ворвались казаки и закричали:

– Володимир, убили десятника Голыгина, а мы с ясаком еле утекли.

– Где? На реке Нынчугу? – вскричал Атласов, – Собирайтесь, отомстим камчадалам!

Казаки на байдаках спешно поднялись вверх по реке Нынчугу и неожиданно напали на камчадалов, праздновавших свою победу. Казаки дали несколько залпов из ружей – десятков дикарей упало, а остальные разбежались. А оставши-

¹¹ Коч – мореходное парусное судно.

еся камчадалы с детьми, прижатые к скалам, запросили пощады. Атласов великодушно простил, взяв с них двойной ясак, и с телом погибшего Голыгина вернулся в Большерецкий острог. Похоронили казака Ивана Голыгина на высокой скале. На могиле поставили крест, обложив камнями, а реку Нынчугу назвали его именем.

Сразу после похорон Атласов велел казакам собираться в поход. Он решил идти на реку Ичу, достроить там крепость и, пополнив ясак, вернуться в Анадырский острог. Верные камчадалы доложили казакам, что коряки, узнав о возвращении Атласова с Камчатки, задумали перехватить его на пути в Анадырский острог. Поэтому Атласов не рискнул отправляться зимой, ведь по следам отряда можно было бы легко настичь его обоз. Он разумно остался на зиму в остроге Ичи залечивать свои раны.

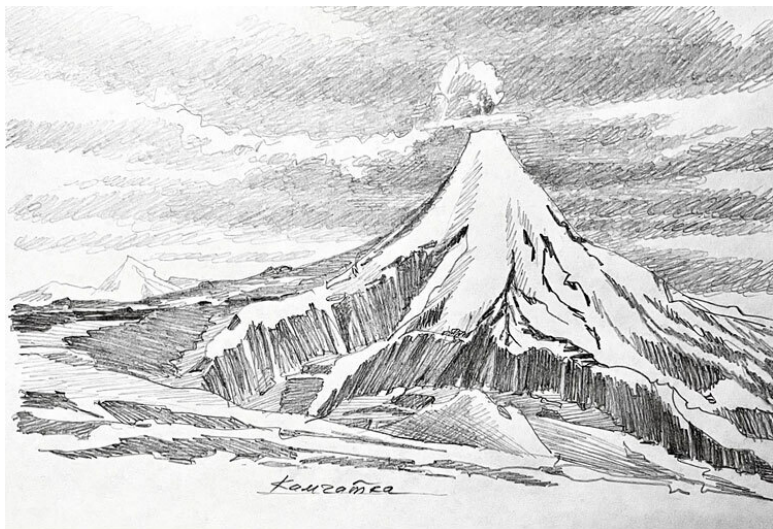
И только 2 июня 1699 года Атласов с 15 казаками и 4 юкагирами, местным тойоном¹² и японцем Денбеем скрытно добрались до Анадырского острога. С собой они привезли большую «государеву казну»: 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводушек, 19 каланов, одну соболью парку и прочую «рухлядь».

Так завершился знаменитый камчатский поход Владимира Атласова, своенравного, решительного и очень смелого сибирского казака-завоевателя, который положил начало окончательному закреплению Камчатки за Россией. Ко-

¹² Тойон – местный князёк.

нечно, приказной Атласов, первый исследователь Камчатки, не был романтиком, но его всегда тянуло тайное и неизведанное, и он уже мечтал о покорении богатых морских островов. И уже тогда Атласов, знавший грамоту, стал составлять «скаска», некие сообщения о Камчатке и морских островах айнов. Потомки недаром прозвали Владимира Атласова «камчатским Ермаком» и по заслугам, а остров Аланд называли его именем.

Глава 4

AB

1700 год. Холодный осенний день на Камчатке клонился к концу, а буря свирепствовала в Калыгирской губе Боброва¹³ моря, и который день не умолкала. Морские волны с грохотом накатывались на прибрежные скалы и, пенясь, заливали юрты прибрежного поселения камчадалов. Они в ужасе бросали свои жилища и прятались на скалах. Там они, подни-

¹³ Боброво море – Берингово море.

мая руки к небу, просили помощи у своих Богов. Но не все камчадалы тряслись от страха.... На скале, наперекор стихии, стояли воины племени камчадалов-ительменов¹⁴, воинственные жители Камчатки во главе с гордым вождём. Воины ожидали нападения с морских островов враждебных айнов, которые часто высаживались в их владениях, в поисках добычи морского зверя. Они напряжённо вглядывались в разгневанное море, словно вызывали его на бой.

Но вот вдали в бушующем море показалось неизвестное судно, давно лишённое своих мачт. Теперь это судно, как щепку, швыряло в разные стороны, и огромные морские волны с диким воем несли судёнышко на прибрежные скалы. На судне метались какие-то люди, они в отчаянии кричали и готовились к неминуемой смерти. Самые отчаянные из них бросились в бушующие волны, надеясь как-то доплыть до берега. Ещё мгновение, и судно с треском ударилось о скалы, и его обломки разлетелись по каменистому берегу. Спаслись лишь моряки, рискнувшие покинуть корабль. Они, пользуясь морским приливом, кое-как достигли безопасного берега и, отдышавшись, стали пробираться через камни к своим спасшимся товарищам. За ними, молча, наблюдали ительмены-камчадалы. Наконец, решившись, они с воплями напали на десяток измученных моряков. Четверых, оказавших сопротивление, они убили, а остальных взяли в плен. Камчадалы ликовали, радуясь своей удаче, ведь теперь у них есть

¹⁴ Ительмены – одна из коренных народностей Камчатки.

рабы, правда, совсем непохожие на айнов. Они содержали пленников в балаганах и прятали от казаков.

В 1702 году в Калыгирской губе, по приказу якутского воеводы Траурнихта, служилые казаки из отряда Ивана Козыревского собирали ясак, и вдруг в поселении камчадалов они обнаружили спрятанных в балагане пленников, явно иноземцев. Когда Козыревский узнал, что у камчадалов уже два года томятся иноземные пленные, велел их немедленно выкупить и привести к нему. Как же, выкупить?! Казаки просто напали на камчадалов и, отбив четырёх пленённых моряков, доставили Козыревскому в Большерецкий острог. Озадаченные казаки долго бродили вокруг приказной избы острога, не понимая, что так долго их предводитель возится с иноземцами. А Козыревский накормил голодных моряков, и два дня потратил на то, чтобы как-нибудь на пальцах, либо жестами разговаривать с узкоглазыми иноземцами. Среди них нашлись моряки, которые освоили простые русские слова. Особенно ценным собеседником оказался самый опытный из них моряк по имени Сан. Уже через неделю Козыревский узнал у Сана и записал о том, что они японцы из государства Эдо, в котором семь городов, и расположено оно на большом острове в Пенжинском море, напротив «Камчатского Носа». Оный остров богат самородным золотом, серебром и изделиями из камок¹⁵, китайки¹⁶ и дабы¹⁷.

¹⁵ Камка – шёлковая ткань с узорами.

¹⁶ Китайка – плотная синяя ткань.

– Казаки, наши приключения продолжаются! – воскликнул радостный Козыревский, выходя из приказной избы. – Идём на богатое Эдо.

Конечно, никто из казаков не понял, да и откуда им знать загадочное слово «Эдо», но они восторженно приветствовали своего предводителя, потрясая саблями:

– Мы с тобой Иван Петрович, хошь в огонь, хошь в воду!

Козыревский с ясаком направился в Анадырский острог и там представил сведения японца Сана. Здесь он повстречал, вернувшегося из похода, Атласова и поведал ему о таинственном государстве Эдо. Сочиняя свои «скаски» о Камчатке и о неизведанных морских островах, Атласов понял, что пленный японец Денбей не соврал. Он быстро смекнул какую ценность имеют эти сведения и понял какая будет богатая добыча при захвате этих островов. И недолго думая, он поспешил в Якутск к воеводе Траурнихту, обсудить с ним организацию новых экспедиций на острова в Охота-море.

¹⁷ Даба – китайская бумажная ткань синего цвета.

Глава 5

Прибыв в заснеженный Якутск, приказной Атласов сразу направился к воеводе Траурнихту для доклада. Тот, хмуро выслушав неуёмного Атласова, подивился новостям и велел ему быть на совете якутского воеводства. В приказной избе Атласов сразу предстал перед военным советом, неохотно разбиравшим тёмные дела на Камчатке. Увидев огромного казака, приказчики совета сразу оживились. А якутский воевода напрягся, вновь увидев Атласова, от которого всячески хотел избавиться. Он нервничал: «Надо ж, Атлас с Камчатки вернулся живой и невредимый», а сам широким жестом пригласил Владимира Атласова присесть на скамью. Он оглядел совет и пробасил:

– Ну, Володимир, сказывай о Камчатке.

Атласов, расправив свою чёрную бороду, стал степенно рассказывать:

– Живут на Камчатке пустобородые коряки, с ними соседствуют чукчи, а на юге камчадалы – «мохнатые курильцы», те которые перебрались с морских островов. Они называют себя айнами. Первый морской остров, который я увидел с «Камчатского Носа»¹⁸, был остров Аланд. За ним есть и другие острова, на которых так же живут айны.

– Вот где жирная добыча, – разом заговорили приказчики

¹⁸ Камчатский Нос – Камчатский полуостров.

совета, — надо б идти туда к айнам за ясаком!

А воевода прикрикнул на разгорячившихся советчиков:
— Тихо, пусть дальше рассказывает.

Атласов подробно рассказал о своём походе на Камчатку, морских островах, о которых поведал ему японец Денбей, «через кои путь лежит в зело чудное Нифонское царство». И наконец, заканчивая, положил на стол свитки:

— Всё изложил я в своих «скасках» со слов камчадалов и японца. Вот они.

— Твой сказ, подтверждается сведениями Денбея, слова которого перевёл тутошний иноземец, — враз заговорили приказчики на совете. — А твои «скаска» надо б послать царю, чтоб он позволил идти на морские острова и вести торговлю с японцами.

— Толково мыслите! — рявкнул воевода и, посмотрев на Атласова, добавил. — Хвалю за службу! Володимир, твои сведения вельми нужные. Сбирайся в Москву к царю на доклад, да возьми с собой японца Дембея!

Так в 1702 году Атласов с японцем Дембеем и большим ясачным обозом был отправлен в Москву на доклад к царю Петру Алексеевичу. И только в Москве Атласов узнал, что японец, освоивший русский язык, по имени Татэкаву Дембей из города Осаки Узакинского царства. И что его корабль с рисом сильным течением вынесло на берег Камчатки, где японец попал в плен к дикарям и был спасён русскими казаками. Царь Пётр прочитал «скаска» первопроходца Атласо-

ва, дал добро на освоение новых морских островов и, повысив его в звании, отправил служить обратно на Камчатку.

Владимир Атласов, получив от царя чин казачьей Головы, вернулся в Якутск и сразу показал служивым людям свою власть. Служба на Камчатке была очень тяжелой, ведь стужа, голод и лишения окружали казаков повсюду. Ветераны, как могли, успокаивали молодых казаков, рвавшихся за приключениями в неизведанные земли, приговаривая:

– Терпите казаки службу царскую, придёт и ваш черёд прославиться!

Но больше всего казаки страдали от необузданной жестокости своих «начальных людей», и особенно казаков возмущало самодурство Атласова, ведь он не только жестко усмирлял волнения камчадалов, но и притеснял своих же казаков. Безнаказанно отбирая у них меха, он часто задерживал им жалование и поставку продовольствия. Поэтому в январе 1711 года обозлённые казаки, избрав на казачьем кругу атаманом Даниила Анциферова, подняли бунт, во время которого убили приказного Липина, а затем и самого Атласова. Так закончил свою жизнь знаменитый открыватель Камчатки Владимир Атласов.

А на казачьем кругу начались споры, драки, и никто не знал, что предпринять, ведь убили царских слуг. В круг вошёл Иван Козыревский и усмехнулся:

– Эти убийства, казачки, государственная измена, и карается она смертью. И никуды вы с Камчатки не сбежите!

– Что же нам делать? – спросил атаман Анциферов, оглядев притихших казаков.

– Придумаем что-нибудь, – загадочно ответил Козыревский.

И казаки придумали, чтобы загладить свои «вины», стали посылать в Якутск одну за другой челобитные, которые умело писал Иван Козыревский: «...мы сами уймём бунт камчадалов, и отправимся на острова курильцев-айнов, возьмём там ясак и приведём островитян в российское подданство, и всё за свой счёт...» Но из Якутска не ответили казакам, а на военном совете вовсе отмахнулись:

– Неча разговаривать с бунтарями.

Кровавые волнения камчадалов на Камчатке не утихали. Надобно было немедля усмирить их, но кем и как? И пришлось якутскому воеводе согласиться с казаками-бунтарями, и поэтому он утвердил их предложения, послав грамоту Камчатскому воеводству о подготовке похода на морские острова айнов. А сам решил: «Пусть покамест добудут ясак с айнов-курильцев, а там разберёмся с казачками-бунтарями и накажем их по закону».

Атаман Даниил Анциферов из Нижне-Каменского острога двинулся в поход за «рухлядью». Он с казаками прошёл весь Камчатский полуостров с севера на юг и, по пути жестоко подавив бунты камчадалов, достиг зимовья на реке Большой. Здесь атаман Анциферов велел построить байдаки, и стал готовиться к походу через переливы на морские острова

курильцев-айнов. Воины местных айнов, скрываясь за скалами, уже следили за казаками и вынашивали свои планы нападения на отстающих чужаков, чтобы добыть их ножи и сабли.

Курилы

AB

Глава 1

На юге Камчатского края издавна обитали камчадалы-ительмены, а с ними соседствовали айны-курильцы, переселившиеся с морских островов. Это были сильно обросшие волосами люди с лицами непохожими на местных жителей Камчатки, и поэтому казаки, увидев их, прозвали «мохнатыми». Они из леса с любопытством следили за пришельцами, рубившими стены и башню острога на реке Большой, и разбегались, увидев множество казаков, выходивших из ворот крепости.

В 1713 году из Большерецка по приказу камчатского воеводы атаман Даниил Анциферов с казаками отправился в поход на овладение двух морских островов. Есаул Иван Козыревский, умевший рисовать карты, тоже принял участие в этом деле. Казаки на бударах¹⁹, а ясачные камчадалы на небольших байдарках, вышли из устья реки и, пройдя вдоль морского побережья, прибыли к «Носу Лопатки», к самой южной оконечности Камчатского полуострова. И совершенно неожиданно, через торчащие в море скалы, они увидели в сизой дымке огромный остров.

- Вот он каков, – удивлялись казаки, – большо-ой остров!
- Шум-шу, – пояснили камчалады, – мы сюды ходим на

¹⁹ Бudara – длинная лодка, выдолбленная из одного ствола дерева с наращенными бортами из досок.

мену с айнами.

Море было спокойно и только небольшое быстрое течение вод виднелось в дали, и поэтому казаки без приключений переправились через «переливы» на этот первый остров. На берегу острова их встречали миролюбивые айны с женщинами и детьми. Они оделись в праздничные одежды из нерпичьей кожи, украсили себя птичьими перьями, и радовались, увидев среди высадившихся казаков знакомых камчадалов. Ведь островитяне были в родственных отношениях с ними, да и разговаривали они на смешанном диалекте, понимая друг друга. Камчадалы часто торговали с айнами, устраивая через «переливы» торжища, и теперь ожидали новых товаров для обмена. Но, несмотря на праздничное столпотворение айнов, казаки настороженно высадились на берег и пиками стали раздвигать толпы дикарей. Расчистив путь для своего атамана, они остановились перед двумя старейшинами, гордо стоящими в окружении своих соплеменников. Атаман Анциферов в сопровождении толмача-камчадала важно вышел навстречу к вождям и, вдохнув побольше воздуха, зычно прокричал:

– Велю племенам признать российское подданство... и внести в казну ясак, по одному бобру с души.

Как только камчадал перевёл эти слова, айны дико завопили, а старейшина, что постарше, с достоинством ответил:

– На острове нет бобров. Мы промышляем нерпу, которая нас кормит и одевает.

Один из казаков, Григорий Переломов, дружка атамана, увидел на старейшине бобровую накидку и закричал:

– Ворот-то из бобра, а значит, у них есть «рухлядь».

– Нам привозят бобров и лисиц на обмен с острова Парамушир, вон с того, что за переливами, – ответил один из старейшин, показывая на юг.

– Так живо наменяйте бобров в казну русского царя, – закричал Анциферов, – не то худо будет.

– Это невозможно. Настала осенняя пора, и на остров не переплыть, – ответили вожди и отступили назад за спины воинов, неожиданно появившихся перед атаманом.

– А нам-то, какое дело, – кричали казаки. – Несите бобров.

И громче всех кричал Переломов:

– Не то силой возьмём!

Из толпы айнов сразу послышались яростные крики и угрозы, а женщины с детьми поспешили вглубь острова. Казаки, почувствовав опасность, приготовились к худшему, а атаман Анциферов стал пятиться и скрылся за их спинами. Воины айнов, потрясая копьями, с воплями бросились на казаков. Полетели стрелы.

– Робята, заряжай, – послышалась команда атамана. – Казаки расступись – пли!

Раздался страшный грохот из нескольких пищалей и фузей²⁰. Всё смешалось в толпе айнов, послышались вопли, и

²⁰ Фузея – дульнозарядное, гладкоствольное ружьё с кремнёвым замком.

раненные со стонами попадали на камни, а из-за спин дикарей появились новые воины, страшно крича, они с копьями бежали на казаков.

– Готовь-сь, робята. Пли! – и толпа дикарей с воплями пустились наутёк.

И только теперь казаки смело отправились вглубь острова. Найдя поселения айнов, они построили волосатых дикарей в ряд и привели в российское подданство. А вот ясак им пришлось взять не бобрами, а нерпой и вещами, которые попадались им под руку. Анциферов с Козыревским вышли на южное побережье острова Шумшу и увидели грозные воды «перелива», за которыми еле виднелся остров.

– Парамушир! – воскликнул Козыревский.

– Да, это второй морской остров, – подтвердил атаман.

– Поро-мосири, так называют остров айны, то есть большой остров, – подсказали камчадалы.

Течение между островами было настолько стремительным, что казаки не рискнули пуститься в погоню за отчаянными айнами, и тем более идти на второй остров за ясаком, хотя и очень хотелось.

– С чем же мы явимся к Колесову? – спросил Козыревский атамана, – ведь нам велено привести в подданство оба острова и привезти достойный ясак.

– Во, во – поддержал его Переломов, – за такой ясак нам приказчик не простит убиенного Атласова. Живо закуёт в кандалы.

– Не бойсь, – ответил атаман Анциферов, усмехнувшись, – пойдём к камчадалам и там возьмём «рухлядь».

– Ну и ну, – пожал плечами есаул Козыревский, – а впрочем, тебе виднее, хотя знаю, озлятся камчадалы, ведь мы уже брали с них дань.

– Завтра же иди к камчадалам за «рухлядью», – нахмурился атаман, – а опосля пойдём с тобой в Нижнекаменский острог на поклон к приказчику. Расскажем о наших приключениях, а ты нарисуешь ему карту островов.

– Добре, – ответил Козыревский, а сам подумал: «Часть ясака обязательно спрячу, а деньги сгодятся на постройку морских кочей. Вот тогда и побываем мы на всех островах «курильцев».

Глава 2

Занесённый снегом, Нижнекаменский острог притих, и только из оконца приказной избы слабо пробивался свет лучины. Приказчик Колесов, уже который день передавал дела прибывшему из Якутска новому приказному Василию Савостьянову, рассказывая ему о похождениях своих казаков. Когда в избу с шумом вошли атаман Анциферов с есаулом Козыревским, то приказчик Савостьянов от неожиданности вздрогнул и насторожился. Сидевший с ним за столом Колесов строго посмотрел на атамана и велел сказывать. Анциферов стал докладывать о том, что казаки побывали на двух островах и привезли богатую добычу, но Савостьянов неожиданно прервал его речи и закричал:

– Ты даёшь ложные показания и скрыв, что не был на втором острове Парамушире.

Атаман удивился осведомлённости нового приказчика и умолк. Он не знал, что его товарищ, ходивший с ним в поход на Шумшу, казак Переломов был схвачен, как участник убийства Атласова и на допросе поведал о «подвигах» казаков на острове.

– А ещё ты замешан в убийстве Атласова, – разошёлся Савостьянов. – Взять его под стражу!

В дверь приказной ввалились два огромных казака и схватили атамана за руки. Анциферов завопил:

– Помилуй, я ведь привёз ясак и сполна. И какая разница, откуда эта «рухлядь»?

Савостьянов сразу успокоился и подумал: «Действительно, что толку в том, что атаман будет сидеть в «яме»? Лучше пусть послужит мне».

И, поглядев на взбешённого Анциферова, ухмыльнулся:
– Ясак ты хороший доставил, и на первый раз тебя прощаю. А пока отправляйся в Большерецк и возьми «мягкую рухлядь» с камчадалов на речке Авачу, будь осторожен с ними, и помни, ты под следствием... Отпускаю!

Савостьянов перевёл взгляд на есаула и удивился:
– А ты Козыревский, что насупился? Рисуи чертёж острова Шумшу.

Сам же подумал: «И этот казачок пусть покамест послужат у меня, а в поруб его всегда посажу».

Колесов же, мрачно сидевший за столом, сразу смекнул: «Донесу я на тебя Васька и останусь приказчиком на Камчатке на всю свою жизнь».

Камчадалы, узнав о походе Анциферова на реку Авачу, решили отомстить за его алчность и за двойной ясак на реке Большой. В своих зимовьях они достойно встретили атамана Анциферова с казаками и устроили пир. Гости захмелели, и камчадалы устроили на ночь атамана с казаками в балагане с крепкими тройными дверями. Бдительный атаман на всякий случай взял с собой на ночлег двух аманатов²¹ и залёт

²¹ Аманаты – заложники из родовой знати.

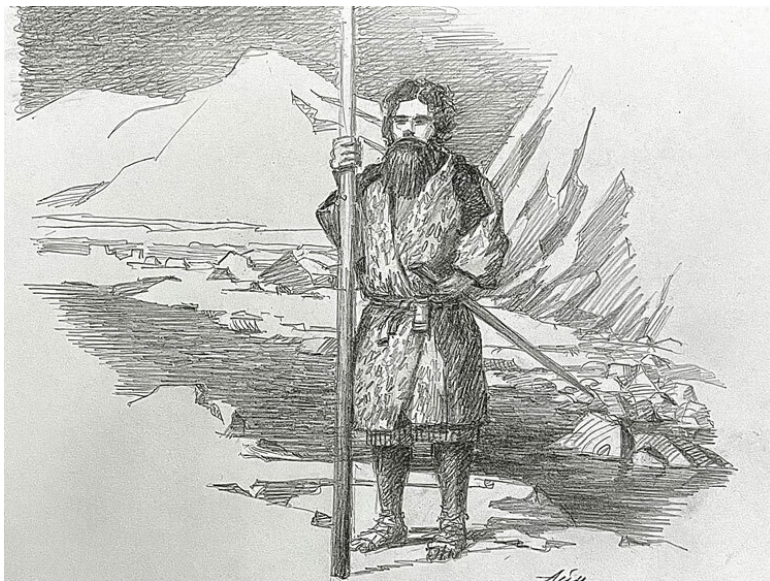
спать. Ночью, тихо убив охрану, камчадалы со всех сторон подожгли балаган, из которого никто не смог выбраться. Так бесславно погиб атаман Анциферов.

Приказчик Василий Савостьянов узнал от своих доносчиков, что Колесов послал гонца к воеводе. Он сразу догадался, что гонец послан с доносом на него, и сел писать оправдательную челобитную. Как только он, обмакнув перо в чернильницу, начал писать, как в дверь ввалился камчадал со страшной вестью о трагической смерти Анциферова. Савостьянов немедленно послал казаков, велел им сжечь поселение на речке Авачу, а с остальных камчадалов взять большой ясак. Провожая казаков, он с крыльца махнул им рукой:

– В путь, казачки! С Богом!

А сам подумал: «Жаль атамана. Я же предупреждал его, надобно с дикарями поласковее. Впрочем, туда ему и дорога, бунтарю», – и сел дописывать челобитную на Колесова.

Глава 3

АВ

Колесов вовремя сумел донести на Савостьянова, посмевавшего оставить на службе атамана бунтарей Анциферова, и поэтому в 1712 году был вторично назначен приказчиком на Камчатку. Несмотря на трудности, Колесову удалось окончательно подавить казачий бунт на Камчатке. Одних казаков за убийства он казнил, других наказал кнутом, а вот Козы-

ревского «пощадил», чтобы заполучить от него чертёж переливов и морских островов, что за «Носовой землицей». Вначале он лаской пытался из него вытянуть эту тайну, потом угрожал. И только после пытки Козыревский начертал остров Шумшу и гряду островов по описанию курильцев. Но этому чертежу веры было мало, и тогда злобный Колесов решил послать подследственного Козыревского в поход на острова Шумшу и Парамушир под присмотром верных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.